

Провал операции абвера

Г. Г. ВЛАСОВ

Георгий Григорьевич Власов до войны работал сотрудником «Ленинградской правды». В 1939 году по рекомендации райкома партии был направлен в органы военной контрразведки. Принимал участие в советско-финляндской войне. В период Великой Отечественной войны был на руководящей работе в Управлении контрразведки Ленинградского фронта. Автор очерков о чекистах в ряде сборников.

В ночь на 1 сентября 1942 года наземные посты службы воздушного наблюдения, оповещения и связи 7-й воздушной армии Карельского фронта зафиксировали перелет через линию фронта немецкого самолета «Юнкерс», не имевшего бортовых сигнальных огней. Через два часа линию фронта пересек еще один «Юнкерс». Оба самолета летели со стороны оккупированного противником Петрозаводска через Онежское озеро в направлении на восток. И о первом, и о втором перелете фашистских самолетов через линию фронта сразу же стало известно чекистам 7-й воздушной армии. Заместитель начальника особого отдела армии подполковник Т. А. Чижевский доложил об этом руководству особого отдела Карельского фронта. Случаи подобных действий вражеских самолетов на различных участках Карельского фронта имели место и ранее. Противник использовал свою авиацию для ведения воздушной разведки в нашей прифронтовой полосе, для нанесения бомбовых ударов по Кировской и Северной железным дорогам и другим объектам, имеющим важное оборонное значение. Неоднократно на самолетах забрасывались в советский тыл шпионские и диверсионные группы.

Данными о цели нынешнего полета «Юнкерсов» чекисты не располагали. Особый отдел Карельского фронта принял необходимые меры для установления мест возможной высадки вражеских парашютистов и пресечения подрывных акций с их стороны. Во все подчиненные фронту особые отделы армий и дивизий были направлены соответствующие ориентировки, установлен контакт с командованием пограничных войск, охранявших тыл фронта, о возможном появлении вражеских агентов в глубоком тылу действующей армии ориентированы руководители управлений госбезопасности Карелии, Архангельской и Вологодской областей.

Выполняя указание особого отдела фронта, подполковник Чижевский с помощью командования 7-й воздушной армии организовал авиаразведку. Еще до рассвета поднялся в воздух самолет Р-5. На его борту находились офицеры разведки штаба воздушной армии и оперативный работник особого отдела армии капитан П. Н. Любимов. Самолет совершил два вылета в глубокий тыл фронта, однако установить места возможной высадки фашистских парашютистов нашим разведчикам не удалось.

В конце дня руководству особого отдела Карельского фронта стало известно, что утром 1 сентября радисты Центра зафиксировали почти одновременный выход в эфир двух ранее не известных радиостанций. Сигналы следовали из района Вытегры Вологодской области и из лесного массива близ Коноши Архангельской области. Из этого факта чекисты сделали вывод: в тылы Карельского фронта в эту ночь выброшены две шпионские группы.

В тот же вечер начальнику особого отдела Карельского фронта сообщили из Управления госбезопасности Архангельской области, что ими получены достоверные данные о высадке большой группы вражеских парашютистов в районе Коноши. Вполне возможно, что для их розыска и задержания потребуются помощь пограничных частей, подчиненных начальнику войск охраны тыла Карельского фронта.

Немного позже стали известны подробности обнаружения одного из мест, где приземлились агенты фашистской разведки.

...Утром 1 сентября бригадир лесопункта Кокорин по телефону сообщил секретарю Коношского райкома партии Н. А. Германову, что ночью над лесом кружил самолет, сбросивший два парашюта с какими-то ящиками. Сформированный из местных чекистов, сотрудников милиции и бойцов истребительного батальона оперативный отряд выехал к месту высадки парашютов. В двадцати километрах южнее Коноши, в районе лесопункта бойцы оперативного отряда обнаружили больше десятка парашютов, семь больших ящиков, наполовину освобожденных от груза. При осмотре района приземления парашютистов и тех предметов, которые были там найдены, чекисты определили, что в районе Коноши выброшена большая группа вражеских агентов на длительный срок действия.

Из факта наличия раций иностранного производства, аппаратов для подслушивания телефонных разговоров, резиновых лодок, палаток, ядов для отравления собак следовал вывод, что участники группы обеспечены необходимыми средствами для маневрирования и двусторонней связи со своим центром.

Чекисты обратили внимание, что парашютисты не сумели взять с собой все сброшенные для них предметы снаряжения и продукты питания, а также замаскировать ящики и парашюты и быстро покинули этот район. Позднее выяснилось, что летчик принял горящие костры, оставленные рабочими лесопункта, за сигнальные, которые должны были развести агенты, выброшенные с первого самолета. Это и привело к тому, что парашютисты оставили на месте приземления много следов.

Действительно, шпионская группа, заброшенная фашистской разведкой в район Коноши, оказалась в трудном положении. Агенты сразу поняли, что они приземлились не там, где намечалось. Об этом чекисты

узнали из захваченных ими позднее личных дневников вражеских агентов Тарту и Рандмяе. Эти дневники оказали чекистам большую помощь в раскрытии опасного замысла гитлеровского командования. Агент Тарту в дневнике записал:

«...Пишу эти строки в далеком русском тылу. Нахожусь на страже. Ребята отдыхают от ночного перелета. Вылетели вчера в половине двенадцатого из Таллина-Нымме. Фронт пересекли на высоте 3500 метров. Температура 10 градусов. После двухчасового полета летчик дал сигнал: «Подготовиться к высадке». Вскоре последовала вторая команда: «К прыжку!» Должно быть, мы приземлились где-то около поселков русских. Это для нас очень страшно. Никто не должен знать о нашем прибытии. Если приземление будет замечено — дело плохо.

Каждый из нас думал, что мы попались. Начали быстро разыскивать ящики, чтобы добыть оружие и питание. Быть готовыми ко всему. Удалось обнаружить пока только четыре ящика».

«Смотрю на парабеллум. Думаю, что сейчас это мой лучший друг. Местонахождение пока не установили. Все спокойно, все в порядке. Главное — хладнокровие и трезвость.

О первой группе ни слуху ни духу, а она должна была нас встретить. Очевидно, пилот сбросил нас в другое место. Сегодня установлена связь с центром. Если ночью найдем остальное снаряжение, сможем приступить к выполнению задания. Разведка окрестностей обещает много хорошего».

Выходит, рабочие лесопункта «подвели» вражескую разведку. Шпионы приземлились на покос. Никто из своих их не встретил. Они поняли, что попали не туда, куда нужно. Лазутчиков охватил страх. Схватились за оружие, но стрелять не пришлось: у горящих костров ночью никого не было.

О целях выброски вражеских агентов среди чекистов Коношского района на первых порах высказывались разные предположения. Врага, очевидно, интересует железнодорожная магистраль, значение которой трудно переоценить. Стратегическое значение Северной железной дороги чрезвычайно велико. Из Мурманска и из Архангельска в центральную часть Советского Союза движется боевая техника, а с востока, из Воркуты, идут составы с углем. Но сколько шпионов выброшено? С каким заданием? Где и что конкретно они намерены предпринять? Скорее всего, противник замышлял парализовать движение по Северной железной дороге. Надо было действовать немедленно.

Из Коноши в Архангельск полетела срочная телеграмма.

В Коношу и в соседние районные центры Каргополь, Няндому, Плесецк выехали группы чекистов Архангельского управления государственной безопасности. Их возглавляли начальник управления Мальков, его заместители Песцов и Калининский.

Обстановка требовала не только вести розыск уже действующих агентов, но и быть готовыми к пресечению возможного расширения подрывных акций.

О выброске агентов фашистской разведки в северную тайгу Архангельск сообщил в Центр. В Москве этой информации было придано исключительное значение. Главное управление государственной безопасности Наркомата внутренних дел для руководства операцией направило группу ответственных работников Центра во главе с комиссаром госбезопасности 3-го ранга П. Т. Куприным.

Перед войной Павел Тихонович Куприн возглавлял чекистский коллектив Управления государственной безопасности по Ленинградской области. В июле 1941 года был назначен начальником особого отдела Ленинградского фронта, а через год переведен в Москву.

По прибытии в Коношу П. Т. Куприн и другие работники Центра тщательно ознакомились с оперативной обстановкой. Изучили документы, произвели осмотр предметов шпионского снаряжения.

В эти дни в райком партии, в милицию, к командирам поисковых групп поступали различные сведения: в одном месте в лесу неизвестные оставили непотушенный костер, в другом обнаружены обрывки бумаг с надписями на иностранном языке, в третьем — консервные банки с заграничными этикетками, на берегу озера появлялись неизвестные люди с рюкзаками.

От железнодорожников стало известно, что в эти дни на участке железной дороги между разъездом Тимме и станцией Шелекса совершен диверсионный акт. В результате взрыва сошли с рельсов паровоз и четыре вагона. Из автомата убит машинист Маклаков. Территория вокруг места аварии оказалась заминированной. На другом участке, в десяти километрах южнее, убита стрелочница, взорвана стрелка.

Уже на протяжении нескольких дней наши радисты фиксировали выход в эфир двух ранее не известных раций в районе Каргополь — Няндомы — Коноша. Переговоры велись при помощи цифрового кода в определенные часы утром и вечером. Связь поддерживалась с радиостанцией, находящейся в оккупированном гитлеровцами Таллине.

Комиссар госбезопасности П. Т. Куприн знал, что после оккупации Эстонии в Таллине размещается территориальный орган военной разведки и контрразведки вермахта — «Абвернебенштелле-Ревал», условно называемый по имени его шефа «Бюро Целлариуса». Этот крупный центр абвера располагал собственной авиацией, имел суда специального назначения: быстроходные катера, штурмботы, самоходные баржи. Проводил воздушную разведку, фотографирование с самолетов объектов, намеченных для диверсий.

«Бюро Целлариуса» имело мощную радиостанцию под условным наименованием «Пагар». Она поддерживала связь с вышестоящими органами абвера, резидентурами, а также со своими самолетами и

судами. Там же, в Таллине, находилась, глубоко законспирированная радиостанция для связи с агентурой, засылаемой в тыл Красной Армии.

«Бюро Целлариуса» имело школы по подготовке разведчиков и диверсантов в Кейла-Юа, Лейтсе, Мыза-Кумна. Группы разведчиков, диверсантов и террористов готовились также в маннергеймовской Финляндии и на оккупированной территории Советской Карелии.

Кто такой Целлариус, именем которого именовался крупный разведывательный орган абвера ?

Фрегат-капитан Александр Целлариус на протяжении длительного времени играл видную роль в военной фашистской разведке. Еще задолго до войны по заданию шефа абвера адмирала Канариса он поддерживал тесные связи с разведчиками буржуазной армии Эстонии и Финляндии. Целлариус был аккредитован в качестве представителя третьего рейха в Таллине, орудуя здесь под видом военноморского атташе фашистской Германии. Одновременно он возглавлял созданный Канарисом в 1939 году под прикрытием германских дипломатических представительств разведывательный и контрразведывательный орган абвера «Кригсорганизацион Финланд». Этот располагавшийся в Хельсинки центр немецко-фашистской военной разведки подчинялся непосредственно управлению «Абвер-заграница». Задачей Целлариуса была шпионская деятельность против СССР, и в особенности — сбор разведывательных данных о Балтийском флоте и Ленинградском военном округе.

С началом войны с СССР Целлариус развернул работу по организации добровольческих диверсионно-десантных отрядов «Эрна» из числа эстонских буржуазных националистов, проживавших в Финляндии, и засылке их в тыл Красной Армии для захвата стратегически важных пунктов Эстонии и организации бандитского подполья.

На протяжении войны «Абвернебенштелле-Ревал» вместе с финской разведкой подготавливал и перебрасывал в тылы Ленинградского и Карельского фронтов агентов с разведывательными и диверсионными заданиями.

У комиссара госбезопасности Куприна не было сомнений: за спиной выброшенных в район Коноши шпионов стоял опытный офицер абвера фрегат-капитан Александр Целлариус.

Многое поведала чекистам обнаруженная на месте высадки агентов аэрофотосхема местности. Это был своеобразный путеводитель, призванный помочь шпибнам надежно ориентироваться в интересующем их районе.

Экспертиза аэрофотослужбы Военно-Воздушных Сил Красной Армии, изучив шпионские документы, оказавшиеся в руках чекистов, вынесла следующее заключение:

«Фотосхемы сфотографированы в масштабе 1 : 33 000. Дата фотографирования 28.06.42...

Масштаб передает топографическую ситуацию в такой детализации, при которой возможно легко отличить границы луга, пашни, кустарника, леса, заболоченных и сырых мест. При этом точно и отчетливо распознаются отдельные дворы в населенных пунктах, парки и склады на железнодорожных станциях.

Фотосхема для ориентировки на местности представляет более удобный документ, нежели карта, а поэтому для шпионской группы более приемлема».

Тщательно рассмотрев аэрофотосхему и сделанные на ней пометки, чекисты пришли к выводу, что центром шпионских устремлений противника является озеро Лача.

Сразу же встал вопрос: чем оно могло заинтересовать вражескую разведку ?

Озеро Лача, протянувшееся с севера на юг на 33 километра и имеющее ширину 14 километров, расположено в юго-западной части Архангельской области. Озеро мелководно, наибольшая глубина около 5 метров. Береговая линия не образует глубоко вдающихся заливов. В озеро впадают шесть мелководных рек. Вытекающая из него река Онега впадает в Белое море. Озеро судоходно. Подо льдом с ноября по май. Рельеф окружающей местности ровный, небольшие пологие подъемы заняты селениями и полями.

Озеро Лача находится примерно в 90 километрах к западу от Северной железной дороги. Ближайшие железнодорожные станции — Няндомы и Коноша. В пяти километрах от северного берега озера расположен город Каргополь, от которого идет на восток шоссе в сторону Няндомы, на запад — в Карелию, на север — в Архангельск. На территории между озером и железной дорогой других крупных водоемов нет.

У чекистов возникло предположение: если враг задумал перерезать Северную железную дорогу Архангельск — Вологда — Москва, то не исключено, что для осуществления этой операции или, по крайней мере, первого ее этапа он может выбросить десант на гидросамолетах на озеро Лача.

— Теперь становится понятным, — заметил комиссар госбезопасности Куприн, — с какой целью в летние месяцы наведывались в эти края вражеские самолеты. Несомненно, велась воздушная разведка, готовилась аэрофотосхема для разведчиков. Данные о намерении «Бюро Целлариуса» забросить в глубокий тыл Ленинградского и Карельского фронтов своих агентов поступали в наши органы еще в начале 1942 года. Правда, не было известно ни района, ни времени выброски. Сейчас, когда выброска агентов уже состоялась и аэрофотосхема в наших руках, можно со всей определенностью сказать: фашистское командование готовит в этом районе крупную подрывную акцию, вплоть до высадки десанта, а главными объектами внимания разведчиков являются озеро Лача и железная дорога на участке Няндомы — Коноша — Вологда.

В день прибытия в Коношу П. Т. Куприн провел совещание с чекистами, сотрудниками милиции, руководителями поисковых групп, представителями частей пограничных войск, охраняющих тыл

Карельского фронта. С учетом всех данных была проанализирована оперативная обстановка, рассмотрен и одобрен план неотложных мер, к выполнению которого участники операции приступили незамедлительно. Прежде всего была усилена охрана железной дороги, мостов, станций и других важных объектов. На перекрестках лесных дорог, просек, речек выставлены посты наблюдения. В места вероятного появления шпионов направлены маршрутные группы, в состав которых в качестве проводников включены лесники, охотники, рыбаки из старожилов северян, хорошо знающих эти места. Участники операции получили указание особое внимание обратить на район озера Лача.

Розыск шпионских групп, выброшенных в глубокий тыл Карельского фронта, принимал широкий размах.

Забегая вперед, отметим, что через некоторое время штаб комиссара госбезопасности П. Т. Куприна получил от задержанных агентов абвера достоверные данные, подтвердившие предположение чекистов о возможной высадке вражеского десанта на озеро Лача. Стало известно, что подготовку разведывательной операции специального назначения, которая должна была предшествовать воздушному десанту, фрегат-капитан Целлариус начал еще в декабре 1941 года. В решении этой важной задачи он рассчитывал прежде всего на помощь эстонских буржуазных националистов. И не без оснований.

Еще задолго до вхождения Эстонии в состав Советского Союза второй - разведывательный - отдел генерального штаба эстонской армии, во главе которого стоял полковник Маазинг, а позднее полковник Саарсен, фактически являлся эстонским филиалом немецко-фашистской разведки. Полковник Маазинг ежегодно ездил из Таллина в Берлин, а работники абвера по мере необходимости сами выезжали в Эстонию. Часто бывал там капитан Целлариус. Полковник Саарсен, ставший начальником эстонской военной разведки после Маазинга, с 1940 года проживал в Берлине. Он передавал в абвер донесения о становившихся ему известными фактах, которые представляли интерес для управления «Абвер-заграница». Когда германские войска оккупировали Эстонию, Саарсен был направлен туда и под руководством Целлариуса занимался разведкой и контрразведкой против Советского Союза.

Бежавший из Эстонии капитан Кристьян, работавший до 1940 года в эстонской разведке в качестве руководителя разведывательного отделения, поселился в Финляндии. Там он был принят на работу в финскую разведку и получил звание майора. Из Финляндии Кристьян посылал в абвер ценные сведения, касающиеся не только Советского Союза, но и других стран. Активно работал на немецко-фашистскую разведку и капитан Кургвель из второго отдела генерального штаба эстонской буржуазной армии.

После вступления гитлеровских войск на территорию Эстонии эти верные слуги свастики вернулись в Таллин, были зачислены на штатные должности в «Бюро Целлариуса» и продолжали не за страх, а за совесть служить фашистской Германии.

Получив указание центра о проведении широкомасштабной разведывательной операции в глубоком тылу Карельского фронта, решение задачи по подбору и подготовке исполнителей этой шпионской акции фрегат-капитан Целлариус возложил на своих ближайших помощников — майора Кристьяна и капитана Кургвеля. Старшим был назначен Кристьян, имевший больше опыта по подготовке и заброске агентов на территорию Советского Союза.

Прошло немного времени, и Кристьян доложил Целлариусу данные на полтора десятка подобранных им агентов.

Почти все они до 1940 года служили в эстонской буржуазной армии, имели унтер-офицерские звания. Являлись ненавистниками нового строя в Эстонии, от которого бежали в Финляндию, Швецию, Германию. Многие из них определились на службу в армии этих стран, установили связь с разведками, обучались в разведшколах, и уже выполняли подрывные задания на территории Советского Союза. Все — воспитанники кайтселита, полувоенной националистической организации, существовавшей в буржуазной Эстонии.

Некоторых из этих агентов Кристьян знал ранее лично. Во время работы в финской разведке он разыскал в Финляндии Освальда Кривайна, который был добровольцем финской армии, участвовал в зимней войне 1939—1940 годов против СССР, позднее обучался в школе абвера и в 1941 году, перед войной, был направлен в Нарву для выполнения разведывательного задания. Агент Люттер действовал против советских войск на острове Сааремаа в июле 1941 года. За успешное выполнение задания был награжден немецким командованием железным крестом второй степени. Агенты Артур Рягастик, Оскар Люттер, Харольд Петерсон, Освальд Кривайн, Харольд Рооберг входили в состав диверсионной группы «Эрна». Участники этой группы в июле 1941 года на трех катерах прибыли из Финляндии в Эстонию и совершили террористический «акт возмездия» в отношении местных жителей, ставших советскими активистами.

Все агенты, подобранные Кристьяном и Кургвелем, были спортсменами, имели хорошую физическую подготовку, владели русским языком. Немалое значение имело и то, что их семьи проживали в Эстонии.

Собрав агентов, включенных в состав разведывательной группы, Кристьян объявил приказ фрегат-капитана Целлариуса о том, что за время обучения им будет выплачиваться по 210 немецких марок каждому, а их семьи будут обеспечены продовольственным пайком и карточками.

На следующий день Целлариус рассмотрел и утвердил программу подготовки агентов, и вскоре она развернулась по всем линиям.

«Реферат люфт», специальное авиационное подразделение «Бюро Целлариуса», приступило к воздушной разведке, фотографированию района предполагаемой высадки воздушного десанта и

отработке аэрофотосхем.

Опытные специалисты по организации шпионажа и диверсий начали подготовку агентов. Они обучали их радиodelу, топографии, методам сбора и передачи разведывательных сведений, навыкам пользования минами и аппаратурой для подслушивания телефонных разговоров — одним словом, всему тому, что может потребоваться при выполнении задания в советском тылу. Большое внимание уделялось физической подготовке, ходьбе на лыжах, ориентированию на местности, передвижению по обусловленным на картах маршрутам, по компасу и радиосвязи.

Несколько месяцев группа занималась в Таллине, а затем базой для тренировок была избрана разведывательная школа в местечке Вазен на оккупированной территории Советской Карелии. Вся работа проходила под руководством майора Кристьяна. Занятия и тренировки велись весьма интенсивно.

В конце августа подготовка была завершена. Агенты прибыли в Таллин, где Целлариус и Кристьян разделили их на две группы и назначили старших из числа унтер-офицеров. Старшим первой группы стал Люттер (он же — радист Пауль), второй — Тяхесте. Общее руководство операцией было возложено на Рягастика.

Майор Кристьян довел до сведения участников разведывательных групп детально разработанное задание.

Главная задача первой группы — сбор сведений о железной дороге Архангельск — Вологда — Москва. Требуется установить интенсивность движения составов, характер грузов, следовавших в обоих направлениях, состояние охраны дороги. Одновременно следует выяснить регулярность рейсов транспортных самолетов на линии Архангельск — Москва.

На вторую группу Кристьян возложил задачу сбора данных о местах расположения воинских частей, их численности, боевой оснащённости. Выполнение этой задачи, добавил он, облегчается тем, что, по имеющимся данным, воинских гарнизонов в тех краях очень мало. Зато необходимо обязательно установить, где находятся аэродромы и посадочные площадки, их размеры, количество базирующихся самолетов.

Затем Кристьян отметил важность еще одной задачи, возлагаемой на агентов:

— Второй группе надлежит во что бы то ни стало узнать глубину, площадь и особенности береговой линии озера Лача и соседних с ним озер с целью определения возможной посадки на них гидросамолетов, а также состояние и пропускную способность шоссейной дороги Каргополь — Няндомы.

Далее майор Кристьян разъяснил агентам, что все эти сведения необходимо собирать путем личного наблюдения. Разрешается прибегать к беседам с отдельными служащими и солдатами охраны из числа русских, но при условии, что каждый опрошенный после разговора с ним подлежит уничтожению. На первых порах встреч с местными жителями следует избегать, чтобы не навлекать на себя подозрений, что, естественно, осложнит выполнение задания.

— Контейнеры с продовольствием и питанием для раций будут регулярно доставляться воздушным путем в указанные вами места. Через две недели мы выведем вас из тыла противника специальным самолетом. По возвращении все вы получите большие деньги, награды и хорошие места в германской армии, — в заключение объявил своим питомцам майор Кристьян и добавил: — Вы располагаете всем необходимым для успешного выполнения задания. Так что, как говорится, вам и карты в руки.

От имени центра и фрегат-капитана Целлариуса он пожелал им успеха и счел нужным добавить, что до места выброски он полетит вместе с ними. За длительный период общения с агентами Кристьян сумел внушить им веру в успех операции. Шпионы были убеждены, что выполнят полученное задание и благополучно возвратятся на родную землю.

На следующий день с наступлением темноты с таллинского аэродрома поднялся немецкий самолет «Юнкерс» с советскими опознавательными знаками и взял курс на восток. На аэродроме было всего лишь несколько офицеров «Бюро Целлариуса», имевших отношение к подготовке начавшейся операции. Через несколько часов по тому же маршруту направился второй «Юнкерс».

Оба самолета с посланцами фрегат-капитана Целлариуса без происшествий достигли цели и вернулись в Таллин. В глубокий тыл Ленинградского и Карельского фронтов были заброшены две шпионские группы, в состав которых входило тринадцать агентов абвера. Им предстояло выполнить ответственное задание гитлеровского командования, к чему они готовились почти девять месяцев.

Тайга была немногочисленной. Наступила осень, и на озерах и реках редко кто рыбачил. Не часто в лесу можно было встретить охотника, услышать лай собак.

Летом 1942 года в тихие просторы Севера зачастили самолеты с советскими опознавательными знаками. Но, похоже, не наши. Среди местных жителей поползли слухи: где-то самолет сбросил бомбу, повредив полотно железной дороги, в другом месте обстрелял лесорубов.

С первых дней сентября слухов стало еще больше. В одной из деревень неизвестные похитили из дома продукты, в другой ограбили магазин. На переправе через речку кто-то угнал плот. У рыбаков на озере не оказалось на месте лодки. Так жители Севера, хозяева тайги, не поступают. Для всех стало ясно: в тайге появились чужие люди. Об этом сразу же посыпались заявления в партийные и советские органы, к чекистам и работникам милиции. И когда местные жители узнали, что в тайге действительно появились чужие люди, и не просто какие-то хулиганы, а фашистские агенты, шпионы, для поиска которых предпринимаются активные меры, они стали предлагать чекистам свою помощь. Ни одно из их заявлений не было оставлено без внимания. Многие включились в розыск шпионов.

По просьбе комиссара госбезопасности Куприна партийные и советские органы Коношского района ориентировали о выброске вражеских агентов коммунистов, комсомольцев, районный актив, сообщили во все сельские Советы. Учителя предупредили школьников о возможной опасности. В соседние районы выехали руководящие работники Архангельской области для принятия необходимых мер на случай появления там шпионских групп.

Перед участниками поиска штаб поставил задачу найти и обезвредить фашистских агентов. Большую роль в решении этой задачи играли проводники, включенные в каждую поисковую группу. От пронизательности этих хозяев тайги, хорошо знающих местность, не ускользало то, на что другой не обратил бы внимания: где и как разведен костер, в каком состоянии он оставлен. Болотистые места, торф — и вдруг обнаруживается костер. На опушке леса разворочен стог сена. Так местные жители не сделают. Здесь были чужие люди...

Поисковая группа подходит к лесной избушке. Местный охотник делает вывод: здесь отдыхали и ночевали не наши люди. Какие признаки? Охотник не обнаружил в избушке вязанки дров, щепы для растопки, спичек. Здесь были чужие люди. Северяне, хозяева тайги, так не поступают. Переночевав, они все оставят и другому человеку, которого застигнет в лесу ночь или непогода.

Поисковая группа продолжает идти по следам чужих людей.

Оправившись от тревог и переживаний, вызванных не совсем удачным приземлением одной из групп, вражеские лазутчики на первых порах чувствовали себя на нашей земле относительно спокойно.

В дневниках агентов Рандмяе и Тарту в первой половине сентября появились такие записи:

«Ура! Железная дорога найдена. Начинаем разведку».

«Сидим на железной дороге, которая следует с юга на север. Наблюдения ведем круглосуточно. Дай бог, чтобы нам дали спокойно работать на месте.

Хорошо бы встретиться со второй группой».

Из записей в дневниках видно, что первый раз шпионские группы встретились только 14 сентября.

«Теперь были несколько дней все вместе, приводили в порядок снаряжение и вещи. Пробыли довольно продолжительное время без тревоги. Да и лес здесь охраняет нас. Пару дней еще будем отдыхать, а затем опять в опасную зону. Сейчас одни играют в карты, другие — готовят пищу.

Настроение у ребят хорошее. Ежедневно состязаемся на наилучшую шутку».

В разведцентр в Таллин регулярно два раза в сутки шпионы направляли метеосводки, но главное внимание уделяли разведывательной информации. Вот несколько шпионских донесений:

«По железной дороге в течение суток проходит 29 поездов. Паровозы новейших образцов, некоторые 1942 года выпуска. Поезда главным образом с военным грузом, хорошим вооружением и живой силой. На железной дороге патрули».

«Шоссейная дорога Осинова Гора — Коноша. Подъемная сила — 3 тонны. Автомобильное движение регулярное. Перевозки воинских частей. Железнодорожная линия Вельск — Коноша построена в 1941 году».

«Находимся на восточном берегу реки Волошки. Ведем разведку местности».

Но так продолжалось недолго. Жизнь в северной тайге оказалась намного сложнее и беспокойнее, чем рисовали ее своим агентам Целлариус и Кристьян.

Чекисты, опираясь на активную помощь и поддержку советских людей, делали все, чтобы решительно пресечь опасную подрывную деятельность вражеских лазутчиков. На каждом шагу непрошенных гостей подстерегала опасность.

В дневнике агента абвера Тарту находим такую запись:

«Сегодня был довольно неприятный день. Началось с того, что я рано утром немного отошел от своих ребят. И это было к счастью. Я заметил, что на лесной дорожке с северной стороны двигалась группа людей, вооруженных автоматами и винтовками. Быстро отошел с дорожки, лег за кочки и следил за ними. Сильно жгал в руках свое оружие и был ко всему готов. Они прошли мимо меня. Голоса смолкли. Осторожно поднялся и стал пробираться к своим ребятам. Прибежал весь в поту, сообщил об опасности. Быстро замели следы, двинулись дальше...»

Теперь находимся в 4—5 километрах в густом лесу. Продолжительное время была слышна русская речь. Вышли на окраину леса. Вынуждены повернуть, чтобы не нарваться на кого-либо. Нас никто не должен видеть. Кто увидит, того должны убить. Но сначала должны остерегаться и избегать этого. Вокруг слышались выстрелы пулеметов. Это вызывает дрожь. Страшен русский лес. Что нас ожидает впереди?»

Но не русский лес страшил вражеских лазутчиков. Их страшило другое — встреча с советскими людьми.

Каждый шорох в лесу заставлял хвататься за рукоятку пистолета. Хозяева советской земли преследовали незваных гостей всюду. Шпионы страшались даже случайных встреч — со старым и малым. В дневнике агента Рандмяе записано:

«Тринадцатый день в лесу. Погода холодная. Но у нас были и жаркие дни. Они начались с выхода на железную дорогу. Нас заметили две старушки. На следующий день — облава. Арни и Кийв еле спаслись. Пришлось удаляться в болота. Затем вновь на железную дорогу. Зашли в заросли, чтобы подождать до темноты. Облава продолжалась. Прошло до 40 человек. Удалось отлежаться в густом кустарнике».

А вот встреча со школьником оказалась для шпионов роковой.

В ясный сентябрьский день Коля Соловьев, школьник из деревни Ануфриево, сидел на берегу речки Осиновка, около старой водяной мельницы. Около полудня к мельнице подошла группа вооруженных автоматами людей. Завидев подростка, они, как заметил Коля, несколько растерялись. Один из них подошел к нему и вступил в разговор:

— Что делаешь?

— Видите, ловлю рыбу. Сетки забросил, удочку закинул. Расспросив Колю, далеко ли отсюда железная дорога, как лучше к ней пройти, неизвестный, заметив некоторое смущение подростка, предложил ему сигарету и две плитки шоколада. Затем сказал:

— Мы из НКВД. Задание выполняем.

Не сходя с места, Коля Соловьев проследил, в каком направлении ушли неизвестные и поспешил в деревню, в сельский Совет. Там находился чекист из Архангельска Щеколов.

Коля рассказал ему о встрече с группой «сотрудников НКВД».

— Только я думаю, — продолжал школьник, — что это не чекисты, а шпионы, о которых вы нам рассказывали. Их было шестеро, у всех автоматы и мешки за плечами. Тот, что подошел ко мне, го ворит по-русски, но не совсем чисто. Автомат у него не такой, как у наших солдат. Спрашивал, как пройти к железной дороге. Угостил меня папироской и шоколадом.

— Ты, Коля, очень хорошо выполнил наше задание. Молодец! — искренне похвалил чекист школьника, который по его поручению под видом рыбалки находился на посту наблюдения.

Рано утром сформированная из местных жителей поисковая группа с розыскной собакой направилась по следу неизвестных. Начался дождь. След затерялся. Только на рассвете следующего дня, 27 сентября, в районе Карасаво удалось обнаружить замаскированную в лесу палатку.

Несколько бойцов поисковой группы приблизились к палатке. Часовой, заметив их, дал в их сторону очередь из автомата. Началась перестрелка. Из палатки один за другим выскочили фашистские агенты с автоматами в руках. Один из них упал замертво, остальные разбежались. Захватить их не удалось.

Участники поисковой группы нашли в палатке автомат, три пистолета, ящик с патронами, сумку с документами. Среди трофеев оказались черновые записи радиста и аэрофотосхемы с многочисленными пометками.

Преследование скрывшихся агентов противника продолжалось. В тот же день розыскная собака привела наших бойцов к стогу сена. Там был обнаружен тяжелораненый шпион, который вскоре скончался.

Как свидетельствуют документы, в этот день агентам абвера с таллинским разведцентром связаться не удалось. И только на следующее утро Целлариусу доложили о радиограмме:

«На нас напали русские, погибли Роотс и Вебель. Ранены в ноги Рягастик и Кривайн. Двигаемся в направлении озер. Длинный путь невозможен, нельзя ли поскорее вывезти нас отсюда? Нужен хирург».

Полученная на другой день ответная радиограмма из Таллина гласила:

«Впадать в панику не следует, не ослабляйте разведку железной дороги, продвигайтесь к конечной цели — озеру Лача. Идите на соединение с первой группой. Эвакуируем всех вместе. Готовьтесь, завтра ожидайте самолет с продовольствием, питанием для батарей и ядом для собак».

После первого вооруженного столкновения с фашистскими лазутчиками чекисты усилили их преследование, стремясь лишить их возможности собирать шпионские сведения.

Дневниковые записи характеризуют обстановку, в которой оказались шпионы:

«Прошли за ночь 20 км, миновали костры пастухов, патрулей. Марш не из приятных.

Как долго придется еще искать озеро, а там ждать самолет, который должен прийти за нами?

Стыдно уходить отсюда, не выполнив задания».

В поиск вражеских агентов включился особый отдел Карельского фронта. По договоренности с командованием в район пребывания шпионов были направлены самолеты-разведчики 7-й воздушной армии Карельского фронта. Штаб воздушной армии, в свою очередь, поддерживал постоянную связь со штабом поиска Куприна. Самолеты держали фашистских лазутчиков в постоянной тревоге. В дневнике Рандмяе находим такие записи:

«Вышли к небольшой дереушке. Постоянных жителей там не было. Находились лишь косари. Нам оставалось только одно: опять вернуться в лес и там провести ночь у костра... Всякий может представить, каково быть в лесу ночью в конце сентября, не имея теплой одежды.

К тому же над нами кружил самолет Р-5. До этого у реки Волошки нарвались на патруль с собаками».

«Русские патрулировали в воздухе. Самолет долго кружился над нами. Ночь проведем здесь, в пустующих лесных бараках, а утром продолжим путь. Здесь предстоит большая облава — это факт».

Чекисты сразу же организовали перехват передаваемых шпионами радиogramм и приняли меры к раскрытию применяемых абверовскими радистами шифров и кодов. Вскоре это удалось, в результате чего в штабе поиска каждый день знали, какую информацию шпионы передают в Таллин, какие указания получают из «Бюро Целлариуса».

В радиogramмах агенты абвера часто ссылались на аэрофотосхемы района своего пребывания. В ответных радиogramмах из Таллина также содержались ссылки на эти схемы. Как уже указывалось, такие же аэрофотосхемы оказались в руках чекистов, что позволило штабу Куприна более точно определить пути следования шпионов.

Об этом можно судить по содержанию и тону радиogramм, передаваемых агентами в разведцентр. Вот одна из них:

«Выбрались из облавы. Русские не дают никакой возможности собирать сведения. Погода становится невыносимой — холодно, сыро, порвалась одежда, обувь. Все надоело по горло. Скорей бы соединиться со второй группой — и к финишу».

Ответная радиogramма из центра подлила масла в огонь. В ней Целлариус интересовался:

«Все ли у вас в порядке? Какое самочувствие?»

Это вызвало возмущение шпионов. В дневнике Рандмяе появилась такая запись:

«Чего спрашивать о самочувствии? Прибыли бы сами, посмотрели на месте, убедились. А вот когда отсюда эвакуировать будут — молчат».

Посланцы фашистской разведки понимали: время не терпит, на снегу, который вот-вот выпадет, следов не скроешь. Самолеты с продовольствием прилетают нерегулярно. Снабжение ухудшается. А что ожидать дальше?

В Таллин идут короткие радиogramмы:

«Вынуждены заниматься грабежами, голодаем. Ускорьте эвакуацию».

Чтобы уйти от поисковых групп, вражеские агенты петляли по лесу, запутывали и маскировали свои следы, выходили на связь с разведцентром без расписания, минировали пути отхода, создавали ловушки с применением взрывчатых веществ. Позднее чекистам стало известно, как они это делали.

Взрывчатка, мины и яд для собак сбрасывались с самолетов в специальных упаковках с предупреждающим знаком «Красный Крест», что означало — «опасный груз». Получая груз с такой пометкой, шпионы знали, как с ним обращаться. Маскируя свои базы с продовольствием и снаряжением и пути отхода, они создавали на приметных местах видимость забытых ими упаковок — «торпед». Проявление к ним неосторожного интереса могло привести к тяжелым последствиям.

Подобный прием из арсенала вражеских разведок для чекистов и пограничников не являлся новостью. Поэтому они были осторожны и предупредили всех участников поиска, особенно местных жителей и школьников. Однако без жертв не обошлось. Политрук поисковой группы Филонов подорвался на mine.

9 октября шпионские группы встретились вновь. Ничего утешительного встреча не принесла. В дневниках появились весьма грустные записи. Вот одна из них:

«Вчерашний день стал самым печальным в нашей жизни. Встретили других с поникшими головами. Вместо шести увидели четырех. Вебель и Роотс при утренней облаве русских 27 сентября погибли. Они покоятся где-то в русских лесах. Ранили Кривайна и Рягастика. Группа чудом избежала полного уничтожения. Положение скверное».

Из разведцентра не переставали требовать новой информации. Агенты же настаивали на эвакуации.

Наконец из Таллина пришло долгожданное распоряжение. Был назван конечный пункт следования — озеро Лача.

К озеру шпионские группы добивались порознь. К 21 октября они подтянулись к восточному побережью озера. Назавтра ожидалось прибытие самолета:

«Идет красивый рождественский снег. Земля белая. Наши волосы и бороды также белые. Кругом тишина. Сегодня продвигались хорошо. Температура нормальная, настроение хорошее. Радует возвращение домой. Теперь мы подошли к конечной цели. Завтра нас отсюда вывезут. Дальнейшее от

нас не зависит. Да, счастье с нами. Утром ожидаем самолет. Вторая группа от нас отделилась ночью. Такое указание было из Таллина: ожидать в двух пунктах в 4—5 километрах друг от друга».

О предстоящем прибытии самолета на озеро Лача чекисты знали из перехваченных и расшифрованных радиogramм. 21 октября наш радиооператор дважды зафиксировал выход в эфир вражеской радиостанции с восточного берега озера. Лазутчики сообщали о готовности встретить самолет, о районе своего местонахождения. Вечером того же дня в радиogramме из Таллина шпионов предупредили:

«Ждите самолет в 7.00, эвакуируем всех вместе».

Как только эта радиogramма была расшифрована, комиссар госбезопасности Куприн принял энергичные меры к соответствующей встрече. В ту же ночь штаб руководства операцией направил на катере и барже в район расположения шпионов роту курсантов Каргопольского военного училища с целью обнаружения и захвата агентов и самолета.

Ночная темнота не позволила курсантам определить точное местонахождение шпионов.

Ранним утром послышался гул самолета. Через короткий промежуток времени в воздухе показался «Хейнкель-115». Сделав круг над озером, он произвел посадку примерно в 400 метрах от места расположения одного из взводов курсантов. Значительно дальше занимал позиции второй взвод.

Лишь только самолет коснулся воды, как из леса выбежали вражеские лазутчики и вброд поспешили к нему. Курсанты открыли по ним огонь из винтовок, а из ручного пулемета обстреливали самолет. Группа шпионов, прикрывавшая посадку в самолет, укрылась в лесу и ответила автоматным огнем. Нескольким агентам удалось забраться в самолет. Хотя «Хейнкель-115» получил повреждение, он все же сумел подняться в воздух. Оставшиеся на берегу агенты поспешно бежали и скрылись в тайге. Их продолжали преследовать поисковые группы из числа курсантов и бойцов 172-го пограничного полка.

Через несколько часов над озером появился другой немецкий гидросамолет. Сделав один круг и не заметив условных сигналов, улетел обратно. После этого наведывались два «мессершмитта». Обнаружив курсантов, обстреляли их. Один курсант был убит, второй ранен. Были жертвы и среди находившихся поблизости колхозниц.

Забот и тревог у фрегат-капитана Целлариуса и майора Кристьяна заметно прибавилось. От летчиков, побывавших в этом районе, Целлариусу стало известно, что «Хейнкель» поднялся с озера Лача и сделал вынужденную посадку на Юнгозере.

Особую тревогу в разведцентре вызвало молчание радиста Пауля, являвшегося старшим одной из шпионских групп. Таллин настойчиво требовал от радиста другой группы Керри сообщить, что стало с Паулем и его группой. Поступивший от Керри ответ не содержал ничего утешительного:

«С ними расстались на озере Лача. Им удалось добраться до самолета «Хейнкель-115». Самолет был обстрелян русскими, но взлетел. Где находится Пауль и его группа, теперь ничего не знаем. Всякая связь с ними после перестрелки на озере Лача порвалась».

После 22 октября наши радисты стали засекают передачи только одной вражеской радиостанции. Но следить за ними стало значительно труднее: радист Керри перешел на связь с разведцентром по свободному расписанию и выходил в эфир до четырех раз в сутки. Однако наши радиооператоры фиксировали все без исключения радиogramмы, следовавшие из северной тайги в Таллин или в обратном направлении.

Идущие из глубокого советского тыла сообщения с каждым днем становились тревожнее. Шпионы с отчаянием требовали от разведцентра помощи, продуктов, умоляли ускорить их эвакуацию.

«Пришлите завтра самолет к озеру Белое обязательно к 7.00», — радиовал Керри.

Из Таллина идет ответ :

«Самолет отправить невозможно из-за погодных условий. Продолжайте разведку местности. Внесите ясность, в какие часы был бой на озере Лача. Что стало с самолетом? Удалось ли установить связь с группой, которая села в самолет?»

Шпионам было уже не до сбора разведывательной информации:

«Находимся на озере Белое. Холодно и голодно. Вчера было столкновение с преследователями. От вас самолета не дождалось. Вынуждены из этого района уходить. Живем грабежами. Поймите, голодаем...»

Подбитый «Хейнкель-115» совершил вынужденную посадку на Юнгозере. Прибывшие сюда чекисты вместе с авиаспециалистами осмотрели гидросамолет. Маслобаки левого мотора имели пулевые пробоины. На борту самолета находились три трупа. Ими оказались командир корабля обер-лейтенант Курт Хельт, стрелок-радист фельдфебель Генрих Ахерн и руководитель всей разведывательной группы абвера Артур Рягастик. Четыре агента во главе с радистом Паулем и третий член экипажа самолета скрылись. Шпионы так спешили, что даже не захватили с собой радиостанцию, лишив себя связи с «Бюро Целлариуса» и второй разведгруппой. О событиях, развернувшихся 22 октября, повествуют дневниковые записи двух агентов из группы Пауля.

Агент Рандмяе записал:

«Самолет, пролетев 20 минут, сделал вынужденную посадку. Взяли спасательные лодки. Мешки и радио пришлось оставить, потому что из отверстия самолета невозможно было вылезти, к тому же

торопились. Нас пятеро с двухдневным запасом продовольствия. В случае если прилетит самолет и нас не найдет, то придется путь преодолевать пешком. Ночью только грабеж».

Агент Тарту оставил в своем дневнике более откровенную запись:

«22 октября. На озеро Лача прибыл самолет, по которому русские открыли огонь. Вскоре удалось подняться. Через 35 минут вынужденная посадка. Рягастика и двух немцев из экипажа оставили в неисправном самолете тяжело раненными. Покидая самолет, сами их пристрелили. Теперь как бедные черти ворует и грабим в деревнях продукты. Двигаемся пешком по направлению к фронту. Еще идти 250 километров. Неизвестно, выдержим ли мы...»

На этом записи в дневниках шпионов кончаются.

На розыск и задержание шпионской группы Пауля, покинувшей борт самолета «Хейнкель-115», П. Т. Куприн направил разведывательно-поисковую группу из бойцов отдельного стрелкового батальона войск НКВД.

Путь следования вражеских агентов определили не сразу. Вышли на след с помощью местных жителей. Колхозники из деревни Семеново, расположенной на левом берегу реки Водлы, сообщили, что на днях не оказалось лодки на переправе, а в лесу видели каких-то вооруженных людей. В соседней деревне неизвестные забрали у колхозников хлеб и картофель. В одном доме отобрали полушубок. Следы шпионов вели к пустующим баракам, находившимся примерно в десяти километрах от Семенова.

Командир взвода лейтенант Голуб сформировал группу захвата. В ее состав вошли младший сержант Василий Мищенко, пулеметчик Иван Аикин, стрелки Петр Ерёмкин и Иван Степин.

Исследовав подходы к баракам, Мищенко поставил бойцам задачу:

— Шпионов будем брать в кольцо. Стрелять, если окажут сопротивление.

К баракам подходили ночью, без шума. Тщательно осмотрев местность, Мищенко обнаружил на лесной тропинке свежие следы, ведущие к одному из барakov. До наступления рассвета бойцы вели за ним наблюдение. Часового возле строения не было. На рассвете, оставив стрелка Степина в секрете у тропинки, группа захвата направилась к бараку.

Войти в барак Мищенко решил сам. Бойцы заняли места у окон. Мищенко осторожно вошел в сени и, рывком распахнув входную дверь, крикнул с порога:

— Встать! Руки вверх! Не двигаться, а то буду стрелять!

В ту же секунду зазвенело оконное стекло. В одном окне показался ствол винтовки, в другом — ручного пулемета. Оба бойца громко повторили приказ своего командира:

— Руки вверх!

Четверо неизвестных за столом от неожиданности оцепенели. Затем, повинаясь приказу, встали с поднятыми руками. На столе лежали два автомата. Поднял руки и сидевший на скамье у двери.

— Выходить по одному, не опуская рук!

Все пятеро покинули барак и оказались в кольце наших бойцов.

— Ложись! Лицом вниз, руки вперед!

Один из задержанных, нагибаясь, выхватил из-за пазухи пистолет, поднес к виску и выстрелил. Это был бортмеханик самолета «Хейнкель-115» Стефан Купала.

Задержанных привели в штаб батальона. Сюда же доставили четыре их автомата, шесть пистолетов, две ракетницы, пять компасов и бинокль.

Командование батальона высоко оценило действия группы захвата, возглавляемой младшим сержантом Мищенко. Младший сержант Мищенко, красноармейцы Еремкин, Аикин, Степин были отмечены правительственными наградами.

Между тем вторая шпионская группа продолжала продвигаться в западном направлении, к линии фронта, уже не надеясь на помощь своего разведцентра. Радист Керри по-прежнему отправлял в «Бюро Целлариуса» полные отчаяния радиogramмы:

«Четыре дня голодаем, мы ослабели. Сбросьте хотя немного продуктов. На самолет потеряли надежду. Будем возвращаться пешком между озерами. Холодно, шлите снаряжение. Существоем за счет грабежей. Нет продуктов, порвались одежда и обувь. Русские преследуют. Четыре раза вступали в перестрелку».

И так чуть ли не каждый день.

Незванных гостей по пятам преследовали поисковые группы. Для руководства операцией по задержанию в район деревни Дальняя Зеленья прибыл П. Т. Куприн с группой оперативных работников Центра и Архангельской области. Находившиеся в лесном массиве шпионы были окружены.

Посланцы абвера оказались в безвыходном положении. В Таллин полетела радиogramма:

«Видимо, ваша помощь нам невозможна. Самолеты из-за снегопадов летать не могут. Мы окружены. Будем спасаться и держать связь, пока возможно».

Это была последняя радиogramма Керри.

В результате завершающей операции по захвату вражеских агентов пятеро из них были задержаны, один убит.

Из Архангельска в Центр ушло специальное сообщение:

«Две шпионско-диверсионные группы полностью ликвидированы. 9 разведчиков задержаны, 4 убиты при столкновениях. В ходе операции изъято пять баз с продовольствием и экипировкой, 2 радиостанции, шифры, коды, топографические карты, аэрофотокарты, дневники, 10 автоматов, 13 пистолетов, 1 винтовка, 13 тысяч боевых патронов, аппарат для подслушивания телефонных разговоров, радиоприемник, сигнальные фонари, 25 парашютов, резиновые лодки, бинокли.

Из показаний шпионов и документов установлено, что немецкое командование намеревалось высадить в Коноше крупный воздушный десант, преследуя цель перерезать северные коммуникации, изолировать Север от Центральной части СССР и развить наступательные операции от станции Коноша на юг в направлении г. Вологда.

Для обеспечения этой операции разведывательными данными и был сброшен вражеский десант».

В Центре на этом документе появилась помета: «А получилось хорошо!»

Источник :

Чекисты Карельского фронта в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

Документальные очерки и воспоминания. Петрозаводск. "Карелия". 1988